

Цзи Саньмэй с серьёзным видом проглотил несколько раз слюну, погрузил лицо в одеяло, бережно вдохнул его аромат, убедившись, что запах сохранён, перевернулся и сел на кровати.

Он обнаружил, что на нём надето морского цвета монашеское одеяние.

Цзи Саньмэй вздрогнул, поднял руку и потрогал свою голову.

Убедившись, что волосы на месте, он спокойно встал с кровати и, используя находящиеся в комнате принадлежности для умывания, привёл себя в порядок.

Выплюнув воду с солью для полоскания в небольшой сосуд, Цзи Саньмэй, всё ещё сонный и страдающий от никотиновой ломки, зевнул.

Он привык прикрывать рот рукой при зевании, его движения были изящны, но всё же из-под пальцев выглянули два белых клыка.

Именно в этот момент, когда он оскалился, он увидел в открытом дверном проёме лицо, настолько знакомое, что его сердце дрогнуло.

Чанъань высунул голову из-за двери, встретился с его взглядом, а затем быстро спрятал её обратно.

Цзи Саньмэй:

— Выходи. Я тебя вижу.

Услышав это, Чанъань смущённо замер, поправил своё монашеское одеяние и вышел из-за двери, с достоинством поклонившись:

— Прости, младший брат, я не хотел подглядывать за тобой.

Хотя Цзи Саньмэй всегда любил своё прошлое лицо, видя, как Чанъань использует его с такой серьёзностью, он почувствовал досаду.

В глазах Цзи Саньмэя люди делились на два типа: те, перед кем нельзя расслабляться, и Шэнь Фаши с Цзи Лючэнем.

Поэтому в прошлой жизни все считали Цзи Саньмэя жестоким и ядовитым цветком на вершине горы, а знали, что он был маленькой лисой, прыгающей между вершинами и прячущейся в норах, только Шэнь Фаши и Цзи Лючэнь.

Учитывая, что он ещё не знал характера Чанъаня, Цзи Саньмэй натянул на себя маску послушного ребёнка:

— Старший брат, доброе утро.

Мягкий детский голос был обманчив, Чанъань моргнул, выражение его лица говорило, что он чуть не растаял, но старался сохранить рассудок:

— Пойдём, я отведу тебя на завтрак.

В начале лета солнце вставало особенно рано, но этот монастырский двор словно обладал способностью изолировать любое тепло. Со всех сторон его окружали деревья, зелень капала с листьев, а извилистая тропинка спокойно вела вглубь. В зелени можно было услышать

журчание воды, но взгляд мог уловить лишь небольшой павильон с чашкой для вина. Этот павильон был уникальной формы, словно обнимающий Будду, и можно было подумать, что звук воды — это бормотание мантр.

Цзи Саньмэй вышел из кельи, ведомый Чанъанем.

Он тщательно выбрал солнечное место и привёл туда Цзи Саньмэя.

Лицом к красному солнцу, Чанъань показал Цзи Саньмэю, как повторять его движения, затем сосредоточился на дыхании, и через несколько минут он собрал циркулирующую энергию, присел и погладил макушку Цзи Саньмэя:

— Понял?

Цзи Саньмэй:

— Понял что?

Чанъань указал на солнце:

— Есть.

Цзи Саньмэй:

— ...

Цзи Саньмэй не собирался спорить с древесным духом.

Это был отдельный двор, состоящий из шести келий, с блестящими черепицами и крышами с фигурками, расположенными в форме объятий: одна главная келья, две боковые, кабинет, маленькая кухня и ванная. Цзи Саньмэй пробрался на кухню и нашёл в ещё тёплом котле миску горячего чёрного риса. В центре риса лежала красная слива, что было простым, но приятным штрихом.

Он взял миску и сел рядом с Чанъанем, спокойно кормя себя.

Чанъань ожидал, что Цзи Саньмэй что-то спросит, но, не дождавшись, начал нервничать и, чтобы завязать разговор, сказал:

— Мне три года.

Его голос был очень послушным.

Цзи Саньмэй слегка удивился, но быстро пришёл в себя, облизав рисинку с большого пальца:

— Ты рано вырос.

Чанъань, впервые так легко заведя дружбу, был воодушевлён:

— Да!

Цзи Саньмэй, продолжая есть, оценивающе смотрел на Чанъаня.

Его рост был ровно восемь чи, как и рост Цзи Саньмэя в прошлой жизни.

При мысли о росте Цзи Саньмэй чуть не рассмеялся.

В прошлой жизни Цзи Саньмэй рос быстро и, несмотря на недостаток еды, к десяти годам уже был ростом шесть чи, с длинными руками и ногами, но при этом был бесполезным красавчиком, настоящей «мягкой курицей». Шэнь Фаши с детства занимался боевыми искусствами, но его рост оставался на уровне четырёх чи, несмотря на все усилия. Цзи Саньмэй, всегда любивший подшучивать, часто держал бамбуковую курительную трубку в одной руке, а другой гладил волосы Шэнь Фаши:

— Брат Шэнь, выпей молока, вырастешь.

Тот раз, когда Шэнь Фаши с мрачным лицом выпил молоко, заставил Цзи Саньмэя чуть не уронить трубку.

Но после этого Цзи Саньмэй под чужим именем отправился в Лунган и исчез из города Чжуинь, не увидев Шэнь Фаши целых четыре года.

Четыре года спустя Лунган, как и Биньци, пал, поглощённый Чжуинем.

Цзи Саньмэй вернулся в город Чжуинь с почётом и дурной славой, ехал по улице на лошади, с цветами на плечах, вызываясь.

Он пытался найти в толпе знакомого коротышку, но потерпел неудачу.

Снова встретил Шэнь Фаши он уже после праздничного банкета. Снаружи уже сгущались сумерки, он отказался от предложения главы семьи Сунь, Сунь Уляна, отвезти его домой, и один бродил по улице, протрезвляясь. Бамбуковая курительная трубка в темноте была похожа на мерцающий глаз, то загораясь, то гасну, Цзи Саньмэй позволил дыму пройти по всему телу, прежде чем медленно выдохнуть, образовав в воздухе идеальный круг.

На подъёме другой мерцающий глаз вдруг покотился по каменной мостовой.

Цзи Саньмэй уверенно наступил на него, посмотрел вниз — это был изящно украшенный фонарь.

Но его глаза видели только иероглиф «Шэнь» на фонаре.

В семье Шэнь было три сына: старший, Шэнь Саньцзы, не интересовался бессмертием, предпочитая коллекционировать чернильные камни, второй, Шэнь Цзинчжи, был увлечён практикой ци, но его тело не справлялось с амбициями, и с детства он страдал от болезни лёгких, мог в любой момент закашляться и выплюнуть кровь.

Старший не умел ездить на лошади, второй разваливался, как только садился на неё, так что владельцем фонаря мог быть только Шэнь Фаши, практикующий и тело, и ци.

Как и ожидалось, подняв голову, он увидел Шэнь Фаши на вершине подъёма, настолько высокого, что это вызывало головокружение.

Прошло несколько лет, и он действительно стал «братом Шэнь», ростом более восьми чи, с широкими плечами и узкой талией, настолько красивым, что у Цзи Саньмэя подкосились ноги.

Шэнь Фаши медленно спустился с подъёма, подойдя к Цзи Саньмэю, и разница в росте стала ещё заметнее.

Цзи Саньмэй быстро смирился с этим, поднял руку и погладил густые волосы Шэнь Фаши, легко вернув атмосферу к лёгкости и радости четырёхлетней давности:

— Эй, брат Шэнь, ты вырос.

Шэнь Фаши не сопротивлялся, позволяя ему гладить, но его лицо было мрачным:

— Почему ты ушёл, не попрощавшись?

Цзи Саньмэй, сбросив с себя образ цветка на вершине горы, который он держал на банкете, улыбнулся и начал шутить:

— Потом расскажу, потом расскажу. Сначала расскажи, как ты так вырос...

Его рука была остановлена Шэнь Фаши, который, в свою очередь, положил руку на его голову и сильно погладил, молча мстя за все насмешки за эти годы.

Цзи Саньмэй наслаждался этим и даже гордился:

— Брат Шэнь, у тебя отличная техника.

— ... Ты всё такой же толстокожий.

— Если я толстокожий, значит, ты меня больше не любишь?

Эти слова заставили Шэнь Фаши сразу же убрать руку, не осмеливаясь больше «любить» Цзи Саньмэя, и нахмурился:

— Сколько лет прошло, а ты всё такой же несдержанный!

Цзи Саньмэй:

— ...

Да, его слова действительно перешли границы.

Цзи Саньмэй спрятал в душе странное чувство потери, наклонился, поднял фонарь и протянул его Шэнь Фаши, сменив тему:

— Я такой красивый, если бы я ещё был добрым, это было бы слишком.

Шэнь Фаши, явно отвлечённый, даже обнял фонарь.

Этот фонарь отлично защищал от ветра, но также отлично проводил тепло, и Шэнь Фаши, обжегшись, побледнел и уронил фонарь на землю.

Этот глаз, умирая, ещё немного трепыхался, но в конце концов погас.

В темноте многие тонкие выражения были скрыты, и Цзи Саньмэй мог разглядеть на лице Шэнь Фаши лишь лёгкое замешательство, не зная, было ли это из-за его слов «люби меня» или по другой причине.

Они стояли друг перед другом, долго молча.

<http://bllate.org/book/16281/1466108>